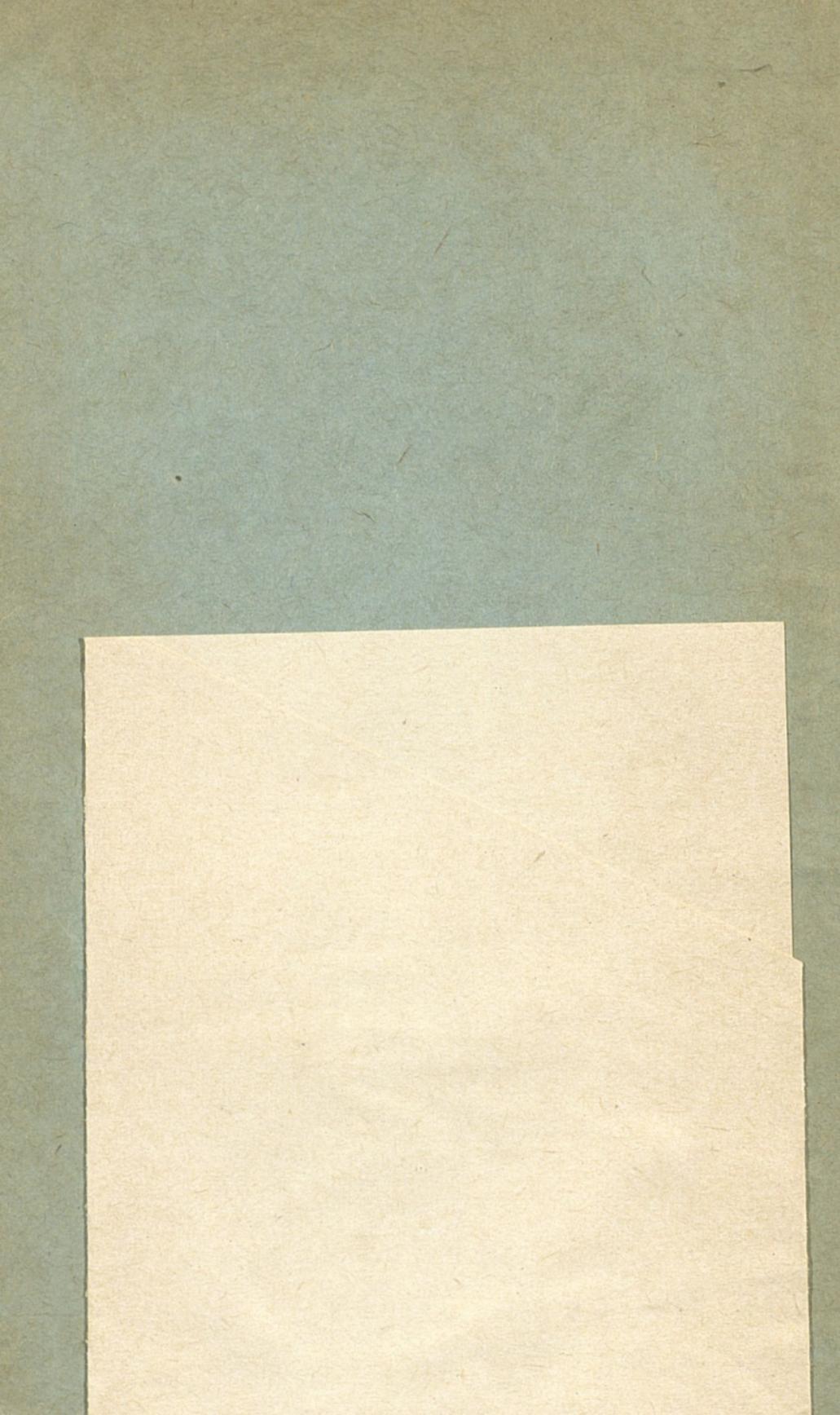

Приемыш

P $\frac{77}{315}$

Р 77
315

ПРІЕМЫШЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО СОЛДАТА.

Издание „ДОСУГЪ и ДѢЛО“

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

Б. Подъяч., д. № 39.

1876.

88088

[Handwritten mark]

P 77
315

П Р І Е М Ы Ш Ъ .

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО СОЛДАТА),

Изданіе „ДОСУГЪ и ДѢЛО“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Большая Подъяческая, собственный домъ № 39.

1876.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Октября 1875 года.

р. 33-653

2007054518

П Р І Е М Ы Ш Ъ .

(Изъ воспоминаній стараго солдата).

Кошкѣ игрушки, а мыши слезы.

Съ первыхъ дней поступленія моего юнкеромъ въ 4-ю роту одного изъ Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, дядька мой Протасычъ, довольно пожилой уже рядовой, отличавшійся болтливостью, познакомилъ меня съ характеристикой каждаго изъ моихъ новыхъ сослуживцевъ. Протасычъ былъ человекъ желчный, и нарисованные имъ портреты не отличались нравственными чертами. Одинъ былъ у него пьяница, другой воръ, но съ раскаяніемъ, третій тоже воръ, но ужъ безъ всякаго покаянія и т. п. Одною онъ очертилъ даже словами «фальшивая тревога», отличая тѣмъ пустозвоннаго крикуна. Только про одного, Ивана Васильевича Глушкова, онъ отозвался снисходительно. «Башковатъ—де и душа—дисциплину знаетъ, да на карманъ тугъ.... своего не проронить... ну и чужаго не возьметъ!» Подобная рекомендація не свойственная ядовитому языку его, доказывала, что человекъ этотъ выдвигался изъ ряда другихъ. Впрочемъ Иванъ

Васильевичъ раньше, чѣмъ я узналъ что нибудь про него, произвелъ на меня впечатлѣніе.

Сложенъ онъ былъ крѣпко... и обладалъ за-
виднымъ здоровьемъ. Большая гладко обстри-
женная голова казалось была вдавлена въ плечи.
Сѣрые глаза свѣтились умомъ, но въ то же вре-
мя и въ нихъ, и въ чертахъ его лица прогляды-
вало неопредѣленное выраженіе, какое часто
можно встрѣтить у людей испытавшихъ въ жиз-
ни сильныя нравственныя потрясенія, точно ка-
кая-то внутренняя мѣла сглаживала съ нихъ
всякіе задатки радости, веселья, довольства.
Точно онъ весь былъ поглощенъ интересами и
впечатлѣніями другой жизни, таившейся гдѣ-то
въ глубинѣ его души и неимѣвшей ничего об-
щаго съ окружающей его средой и обстановкой.
Но это казалось только мнѣ, по мѣрѣ моего озна-
комленія съ нимъ; для другихъ же въ сферѣ жиз-
ни солдата и дѣятельности капральнаго унтеръ-
офицера онъ не только рѣзко выдвигался впередъ,
но даже былъ незамѣнимъ. Глазъ его, какъ глазъ
опытнаго хозяина, не зналъ покоя. Онъ повсюду
заглядывалъ во время. Оружіе и аммуниція въ
его капральствѣ всегда отличались чистотой и
исправностью и не было примѣра, чтобъ онъ за-
служилъ нареканіе за небрежность. Онъ доходилъ
въ исполненіи своихъ обязанностей до педантиз-
ма, но педантизмъ этотъ не былъ проявленіемъ
мелочной природы, а честности лежавшей въ ос-
новѣ его природы. Строго относясь къ своимъ

обязанностямъ, онъ требовалъ того же и отъ подчиненныхъ и достигалъ этого не одною строгостью, но и путемъ честныхъ отношеній къ своимъ подчиненнымъ. Въ другихъ капральствахъ вѣчно слышались брань и угрозы и постоянно, то тотъ, то другой солдатикъ дневалилъ по ротѣ не въ очередь. У Ивана Васильевича всегда царили миръ и тишина. Его подчиненные составляли какъ будто одну семью, и въ длинные, зимніе вечера среди общаго шума и гама, сѣдѣвшіе въ кучку каждый съ своей работой, слушали чтеніе какой-нибудь книги. Порядокъ этотъ завелъ Иванъ Васильевичъ, который самъ выучился грамотѣ, еще бывши въ образцовомъ полку и любилъ читать, пользуясь книгами отъ офицеровъ и юнкеровъ и съумѣлъ пріохотить къ грамотѣ и чтенію все свое капральство. Подобное занятіе отвлекая людей отъ праздности въ то же время развивало ихъ мысль и возвышало ихъ въ собственномъ мнѣніи. Каждый, сознавая въ себѣ благотворное вліяніе этого перерожденія, сознавая, что виновникомъ его былъ Иванъ Васильевичъ, иначе и не могъ конечно относиться къ нему, какъ съ чувствомъ глубокаго уваженія. Вотъ чѣмъ онъ съумѣлъ сдѣлать свое капральство образцовымъ, привязать къ себѣ людей такъ, что они считали себя счастливыми, принадлежа къ его семьѣ.

Человѣкъ онъ былъ очень трудолюбивый и не зналъ отдыха ни днемъ ни ночью. Смѣнитса бы-

вало рота съ караула, пообѣдаетъ онъ и садится уже къ своему табуретику, вооружившись драгвой и шиломъ и сидитъ бывало далеко за полночь. Его зналъ весь городъ за отличнаго сапожника и башмачника и отъ работы, по выраженію окружающихъ, у него «гнулась шея». Каждый заказъ онъ выполнялъ аккуратно и, не смотря на то, что бралъ дорогія цѣны, заказы увеличивались день отъ дня.

— Ну, Иванъ Васильичъ, скажи-ка ты намъ, которую тысячу за пазуху зашилъ, а?» шутили бывало надъ нимъ окружающіе, намекая на его скупость. И дѣйствительно, его всѣ считали за скрягу и видимыхъ поводовъ къ тому было много. Не смотря на то, что обшивая всю знать города Т..., онъ зарабатывалъ большія деньги, онъ дрожалъ за каждую копѣйку, отказывая себѣ даже въ необходимомъ. И нужно сказать правду, эта черта въ его характерѣ отталкивала меня отъ него до тѣхъ поръ, покуда не разъяснился секретъ его видимой скупости.

Не смотря на свой прямой открытый характеръ, человѣкъ онъ былъ далеко не общительный и даже какъ будто боялся людей. Многіе догадывались, что на душѣ его лежало что нибудь тяжелое. Иногда, какъ будто забывшись, онъ затягивалъ пѣсню, всегда почти одну и ту же, въ напѣвѣ которой сказывалась невыразимая скорбь, тоска и точно жалоба, и окружающіе замѣчали, что послѣ этихъ минутъ онъ становился еще

мрачнѣе и нелюдимѣе. Прошло болѣе года прежде чѣмъ мнѣ удалось сблизиться съ этимъ нѣсколько страннымъ человѣкомъ, какъ говорили про него. Сближали насъ книги, какія я давалъ ему для чтенія и бесѣды по поводу ихъ. Не знаю замѣтилъ-ли онъ уваженіе, какое я чувствовалъ къ нему, какъ къ человѣку обязанному своимъ развитіемъ исключительно самому себѣ, или просто въ силу того неопредѣленнаго влеченія другъ къ другу, какое часто возникаетъ между людьми совершенно незнакомыми, только Иванъ Васильевичъ видимо искалъ моего общества, случая оставаться со мною на единѣ. Онъ видимо привязался ко мнѣ.

Какъ теперь помню: случай привелъ намъ быть вмѣстѣ въ караулѣ въ городскомъ острогѣ; это было въ маѣ. День былъ ясный, теплый, окружающая острогъ поляна зеленѣла свѣжей, сочной травой, роща и березнякъ, окружающіе ее, пушились молодыми еще не совсѣмъ распустившимися листьями, желтыя головки подсенѣжника точно какъ червонцы, разсыпанные повсюду щедрою рукой, ярко искрились отъ падавшихъ на нихъ лучей солнца. Въ тепломъ влажномъ еще отъ сырости воздухѣ стоялъ уже неугомонный трескучій звонъ, въ какой сливались разнообразныя напѣвы и щебетанье веселыхъ лѣсныхъ обитателей. Ласточки рѣяли, разсѣвая воздухъ по всѣмъ направленіямъ, жаворонки, какъ черныя точки, мелькали въ далекой глубинѣ неба, точно

обозрѣвая воскресшую природу полную любви, веселья и гармоніи.

Мы долго сидѣли молча; душа была полна какихъ то неясныхъ ощущеній, образы одинъ другаго неопредѣленнѣе проносились въ памяти, не вызывая ни раздумья, ни сожалѣнія о томъ, что пережито. Какъ-бы очнувшись отъ забытья, я мелькомъ взглянулъ на Ивана Васильевича и глаза наши встрѣтились. Онъ наблюдалъ за мной, неторопливо набивая свою коротенькую трубку табакомъ изъ ситцеваго въ цвѣткахъ кисета.

— А что, сударь, давно я хочу спросить васъ, да все не насмѣливаюсь, началъ онъ, придавливая пальцемъ наложенный въ трубку табакъ, какое болѣе занятіе подходящее для дѣвицы?

Неожиданность подобнаго вопроса удивила меня и я сказалъ ему, что прежде чѣмъ дать отвѣтъ, нужно знать какого званія дѣвушка, ея лѣта, ея знанія.

— Примѣрно сказать для солдатской-бы дочери; изъ простыхъ значитъ, отвѣтилъ онъ.

— Молода?

— На возрастѣ-съ! такъ почитай безъ малаго шестнадцати лѣтъ!

— Знаетъ какое нибудь ремесло?

— Обучена по многимъ статьямъ, читаетъ те-перича сударь бойко, на удивленье даже, и пишетъ безъ фальшу. По четыремъ правиламъ ариѣметики сударь прошлась безъ запинки, ну и иныя прочія науки до подлинности извѣстны;

съ атестаціей сударь вы мой изъ уѣзднаго училища выпущена; такъ и начальство написало, что по всему значить «отлично хорошо!» и ремесла постигла», все болѣе и болѣе оживляясь продолжалъ онъ, и на серьезномъ обыкновенно лицѣ Ивана Васильевича появилась наивная добрая улыбка; оно дышало той внутренней горделивой радостью, какая знакома только отцу или матери при описаніи совершенствъ своихъ дѣтей. «На удивленье дѣвица вышла», продолжалъ онъ «таперича гарусами, филеемъ и на всякую манеру, если взять, произошла, по шитью ли въ примѣрѣ выразить въ пять иголь за ней не угонишься; ей-Богу-съ! и изъ себя-то она выглядитъ ровно не простой дѣвицей, а барышней!..»

— Она родственница вамъ? прервалъ я.

Иванъ Васильевичъ сконфузился, и спохватившись, что онъ зашолъ слишкомъ далеко, смущенно сталъ искать около себя кisetъ съ табакомъ, который лежалъ у него на колѣняхъ, и, сдернувъ съ головы каску, почесалъ свой гладко выбритый затылокъ.

— Она... она... мнѣ... сударь... того... забормоталъ онъ, какъ бормочуть только дѣти свои наивныя оправданія, когда ихъ неожиданно поймаютъ на какой нибудь шалости. «Э-эхъ! сударь!» и, не докончивъ, онъ глубоко вздохнулъ и съ неестественною торопливостью сталъ вырубать огнивомъ огонь.

Мнѣ стало неловко; я догадался, что вопро-

сомъ своимъ я прикоснулся къ свѣжей и слишкомъ больной ранѣ и прикосновеніе это пробудило въ душѣ его боли, которыя еще можетъ быть только не давно стали утихать.

— Отчего это сударь, прервалъ онъ меня, пуская струю голубоватаго табачнаго дыма, одному человѣку во всемъ-то бываетъ удача и живетъ на бѣломъ свѣтѣ такъ-то хорошо, а другому, словно по пословицѣ, куда ни кинь все клинъ!

— Мнѣ кажется Иванъ Васильевичъ, что въ большинствѣ случаевъ человѣкъ всегда самъ бываетъ виновникомъ своихъ неудачъ и несчастій, только не всегда отдаетъ себѣ отчетъ въ этомъ.

— Самъ-ли сударь, вѣрно-ли это?

— Бываютъ конечно и исключительные случаи.

— Бываютъ... а-ахъ бываютъ, сударь, и, закрывъ лицо руками, онъ съ минуту сидѣлъ неподвижно. «Эта дѣвушка, сударь, што я рассказывалъ вамъ, сиротка... сиротка;.. нѣтъ у ней ни матери, ни отца; одна она какъ былиночка на бѣломъ свѣтѣ!» И въ голосѣ его слышались слезы, голова же, какъ будто подъ тяжестью воспоминаній, опустилась на руки и онъ съ минуту тихо покачивалъ ею. Мнѣ даже показалось, что онъ плакалъ. «И я вѣдь былъ когда-то молодъ, сударь», снова началъ онъ «не годы старятъ человѣка, а горе, а горя мной много пережито, много. Не судиль мнѣ Богъ счастья; одна теперича только струнка

и связываетъ меня съ жизнью; порвись она порвется и все!»

Какъ большею частью бываетъ у людей взволнованныхъ массою пережитыхъ впечатлѣній, рассказъ Ивана Васильевича подъ наплывомъ ихъ былъ сжатъ, отрывистъ и даже непослѣдователенъ, но это и доказывало, что все, что ни говорилъ онъ, говорилъ отъ души какъ вырывалось.

— Бобылемъ я сударь росъ на деревнѣ, такъ началъ онъ послѣ непродолжительнаго раздумья, у чужихъ людей въ батракахъ изъ милости жилъ, не было у меня ни кола, ни двора, какъ нечаянно оброненное зернышко выросъ я въ колосокъ у придороги, да такъ сиротинкой и остался среди мирской пашеньки... Ужъ бывши на службѣ полюбилъ я сударь дѣвицу; по мѣщанству она состояла; изъ бѣдности все болѣ чужой работой перебивалась. Много лѣтъ ужъ, сударь, прошло съ тѣхъ поръ, можетъ давно ужъ и косточки ея истлѣли въ сырой землѣ, а я и по сейчасъ помню ее и вижу какъ живую и по сейчасъ сдается мнѣ, что не простой человекъ была она. Не видывалъ ужъ я сударь такихъ-то, чтобъ походили на нее. Ростомъ она была не величка и изъ себя то выглядывала не то чтобъ красивой, но было въ ней что-то такое, чего и не выскажешь словомъ. Любила и она меня сударь и допускала до себя не то чтобъ тѣлеснымъ прикосновеніемъ, а единственно лаской... да не струна знать была мнѣ... Совсѣмъ ужъ готовились было къ свадьбѣ,

ну да... вышло... назначеніе... приказали значить... въ образцовый полкъ ѣхать; тѣмъ все и покончилось. И голова Ивана Васильевича снова опустилась на руки и онъ болѣе минуты сидѣлъ молча и неподвижно.

— Э—эхъ сударь много... много въ тѣ поры я горя принялъ; и она... да што тутъ обмазывать... На силу ее оторвали отъ меня; вотъ сколь оно легко было. Такъ съ той минуты Богъ ужъ и не привелъ видѣться намъ. Писала она сударь мнѣ... грамотная была; чтобъ самому читать ея вѣсточки и я сударь грамоту спозналъ и въ прокъ мнѣ это пошло.. Словно свѣтлаго праздника ждалъ бывало письмаца отъ нея, ровно только и свѣту видѣлъ въ нихъ. Фрунтовую часть въ тѣ поры я постигалъ, сударь, какъ никто, потому единственно въ предметъ держалъ... чтобы поскорѣй домой вернули. Да не долго я утѣшался сударь... скоро и вѣсти объ ней, какъ въ воду канули. Черезъ годъ почестъ отъ прибывшихъ ужъ земляковъ я узналъ, что горько кончила свой вѣкъ Марфуша... Толи чаяла не дождаться меня, толи Богъ ее попуталъ и злой челоуѣкъ обошелъ какъ знать. Не даромъ старые люди сказываютъ, что женское сердце забывчиво... оно только тогда жить и грѣетъ, пока ты около его. Спозналась она сударь... безъ меня съ писарькомъ... и челоуѣкъ то онъ изъ себя дрянной былъ, да отъ него и въ землю ушла, оставивъ на свѣтѣ безпріютной сиротинкой дочь. Онъ тяжело вздохнулъ и

замолкъ... и медленно выколотивъ о скамью, на которой сидѣли мы, выкуренную трубку, бережно сложилъ ее въ кисеть...

— Вернулся я сударь изъ образцоваго сюда и все ужъ мнѣ ровно чужимъ показалось... ровно я и нивѣсть сколько лѣтъ въ отлучкѣ пробылъ. Тогда я и розыскалъ Соню... значить дочь то ее... полутора годочковъ она была ужъ въ тѣ поры; увидалъ то я ее въ забросѣ жалости подобной; что... сударь сказать въ нищенскомъ пріютѣ она была... Призрѣли ее для того, чтобъ ходить милостыню на нее собирать... Увидѣлъ я ее сударь и закипѣло у меня на сердцѣ... закипѣло—о... вся то въ нее уродилась... словно вылитая... Глазенки это... большіе черные... да такъ то пристально на все смотрятъ... словно не по лѣтамъ научилась она вглядываться въ людей и Божій міръ и словно... сердечушко-то ее учуяло въ тѣ поры, что не чужой я ей человѣкъ.. Посмотрѣла это она на меня, посмотрѣла, да и протянула ко мнѣ ручки; только не выговорила вотъ... «спаси меня»! И голосъ его задрожалъ и оборвался...

— И что же вы?.. прервалъ было я...

— Спасъ!.. отрывисто отвѣтилъ онъ...

— Такъ она и есть?..

— Она... сударь!.. она и словно я нашелъ въ ней теперь потерянную радость свою, и что это за дитя сударь мой... привѣтливое да покорливое. Какъ ни тяжело мнѣ сударь было, сами знаете, какіе наши солдатскіе достатки, да сподобилъ

Богъ поднять ее на свои ноги, человѣкомъ сдѣлать. Наперво поколь она маленькой была... подрядилъ одну добрую женщину... что была ей за мѣсто матери, и работалъ сударь сколько силъ хватало... чтобы значить вырасти ее нужды не знавши и со скупостью сударь въ тѣ поры спознался... Таперича такъ бывало, по душѣ скажу вамъ, израсходую какой грошъ... а ужъ совѣсть и грызеть и грызеть: зачѣмъ-де исдержалъ... вѣдь ты этотъ грошъ-то у молоденца малаго безпомощнаго укралъ... и такая бывало тоска нападетъ, не доведи Господи... Да за тѣ радости что давала она мнѣ... своей невинной лаской и не такъ бы поработать можно. На старости ужъ вотъ Господь присудилъ мнѣ отдохнуть, глядя на молодую жизнь. И словно воскресъ я, глядя на нее. Обучилъ я ее сударь въ училищѣ и водилъ ее значить таперича одѣвалъ и обувалъ не хуже барышни. Чтобы значить этаго и примѣра не допустить... что она не въ законѣ прижита. Оборойи Господи! Служить ужъ мнѣ теперь не много осталось, ваше почтеніе, выйду въ чистую и устроюсь около ее моей голубки; по-крайности не даромъ вѣкъ прожилъ; умру такъ есть кому глаза закрыть, закончилъ онъ и лицо его озарилось какимъ то добрымъ мягкимъ свѣтомъ. Этотъ простой человѣкъ въ грубомъ солдатскомъ пальто, съ зачерствѣлыми отъ работы мускулистыми руками, стоялъ въ моихъ глазахъ неизмѣримо высоко.

Да, этотъ солдатъ былъ вполнѣ достоинъ названія человѣка.

Въ отвѣтъ на доврчивый безыскусственный рассказъ его, я только молча пожалъ ему руку; и чтобы я могъ сказать ему. Его поступокъ былъ выше всякихъ похвалъ.

Послѣ этой бесѣды, хотя я и встрѣчался съ Иваномъ Васильевичемъ, но онъ какъ будто избѣгалъ меня, и мы обмѣнивались только самыми обыденными фразами. Но однажды, возвратившись въ роту уже послѣ вечерней переклички, онъ съ необыкновенно оживленнымъ видомъ подошелъ ко мнѣ.

— Таперича можно и поздравить сударь, ласково улыбаясь началъ онъ, сядясь противъ меня на нары вотъ и своимъ хозяйствомъ по немногу обзавелись. И онъ до мельчайшихъ подробностей описалъ расположеніе квартиры, какую нанялъ для своей питомицы, и всѣ покупки необходимыя для самостоятельнаго хозяйства. Виды его на будущность своей питомицы были обширны. Она рѣшилась открыть школу для дѣтей бѣдныхъ родителей и кромѣ того заняться шитьемъ бѣлья. Мы пробесѣдовали съ нимъ далеко за полночь; увлекшійся Иванъ Васильевичъ строилъ одинъ планъ за другимъ относительно счастья своей Сони. Въ нихъ много проглядыва-

ло несбыточнаго, дѣтскаго, подѣ часть смѣшнаго, но они создавались любящимъ до самоотверженія сердцемъ, и разрушать эти надежды было-бы безбожно. На прощаньѣ онъ пригласилъ меня завтра же посѣтить ихъ новоселье.

Я радъ былъ приглашенію Ивана Васильевича. Меня заинтересовала личность дѣвушки, остановившейся на выборѣ такого занятія, какъ школа для дѣтей бѣдныхъ родителей, и ожиданія мои не обманулись, когда я пришелъ на другой день въ ихъ бѣдную квартирку. Меня встрѣтила дѣвушка средняго роста, одѣтая въ простенькое ситцевое платье; гладко зачесанные подѣ гребенку волосы открывали прямой лобъ. Большіе, черные глаза, отѣненные длинными рѣсницами, были подернуты какою-то задумчивостью, несвойственною ея лѣтамъ. Это выраженіе ихъ придавало всему лицу ея своеобразный отѣнокъ; что-то мягкое, ласкающее и въ то же время серьезно мыслящее проглядывало въ немъ. Она какъ будто вся дышала любовью, но любовью, которая не возбуждала страсти и облагораживала своимъ чувствомъ все, къ чему ни прикасалась. Въ этой бѣдной средѣ, въ этой бѣдной комнаткѣ, я не ожидалъ встрѣтить подобной личности.

— Вотъ и хозяйство наше сударь! встрѣтилъ меня Иванъ Васильевичъ, разводя вокругъ себя руками, какъ бы указывая на обстановку, окружающую насъ; одни цвѣточки-то сударь, какъ

пречудесно пахнутъ! говорилъ онъ, показывая на кустъ гераніума, стоявшій на окнѣ; а извольте-ка полюбоваться на самоваръ, каковъ-съ? съ торжествующей улыбкой спросилъ онъ, подводя меня къ самовару, который пыхтѣлъ, точно отъ удовольствія, что рѣчь идетъ объ немъ.

— Хорошъ! отвѣтилъ я, желая польстить ему.

— А сколько онъ по вашему стоитъ, къ примѣру спросить.

— Цѣнить не могу, потому что не знатокъ!

— Отчего-жъ къ примѣру сударь не прикинуть соображеніемъ? да впрочемъ ни въ жизнь бы вамъ не угадать, шесть рублей заплатилъ, какъ есть таперича всѣ шесть рублей наличными, сударь, потому вещь; и онъ нѣжно посмотрѣлъ при этомъ на самоваръ, какъ будто на одушевленнаго члена его семьи, который можетъ понять все значеніе подобнаго взгляда. А покажи-ка, Сонюшка, ихъ почтенію сундукъ-то.

— Едва ли имъ есть интересъ осматривать его? стыдливо замѣтила она, разливая чай.

— Ну потѣшь меня старика, покажи!

Вся покраснѣвши, она встала и отдернула занавѣску, скрывавшую отъ постороннихъ взоровъ чисто застланную постель, и показала на стоящій въ углу кованный сундукъ.

— Во-о-отъ-съ какой припасли сударь; энто мы подь приданое!

— Полноте папаша; къ чему это! красиѣя проговорила Софья Ивановна.

— Хе-хе-е... покраснѣлась! ничево-о! Энто не стыдно! Господь дастъ такъ устроимся што... и Иванъ Васильевичъ, не договоривъ, съ торжествующимъ видомъ щелкнулъ языкомъ.

Старикъ не понималъ въ своей простотѣ, что добродушный лепетъ его деликатной натурѣ Сони причинялъ глубокое страданіе.

— И чашечки съ купидончиками сударь приобрѣли, болталъ онъ, какъ ребенокъ, вытаскивая съ хвастливымъ видомъ на показъ всякую вещь. По всей вѣроятности въ простодушномъ довольствѣ онъ дошелъ бы даже до показа самыхъ интимныхъ покупокъ, но я, чувствуя всю неловкость положенія развитой далеко выше этой среды Сони, прекратилъ подобный разговоръ. Иванъ Васильевичъ попробовалъ было еще сдѣлать ей экзамень, но, догадавшись уже, что это не идетъ, замолчалъ и все время нашей бесѣды сидѣлъ молча, не спуская съ Сони своихъ глазъ. Онъ любовался ею... скажу болѣе онъ жилъ ею; ея радости были его радостями, ея горе — его горемъ.

— А што сударь, какова она на вашъ взглядъ выгядитъ? доложите безъ фальши, по дружески, дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ, когда мы пошли обратно.

— Она хорошая дѣвушка, Иванъ Васильевичъ, и вы не ошиблись, посвятивъ ей свою жизнь!

Старикъ схватилъ мою руку и порывисто поцѣловалъ, такъ что я не успѣлъ и отдернуть;

при этомъ я почувствовалъ, что на руку мою упала горячая слеза.

Онъ плакалъ и плакалъ отъ счастья.

Школа Софьи Ивановны пошла хорошо; одинаково хорошо шли и швейныя работы. Устроивъ хозяйство, Иванъ Васильевичъ также снова принялся за работу, но ужъ каждый день вечеромъ уходилъ къ своей питомицѣ. Ночей онъ уже не проводилъ за работой; въ свѣтелку Софьи Ивановны стало заглядывать довольство и ему не было уже надобности изнурять себя. Старикъ узналъ наконецъ отраду отдыха, хотя по прежнему отказывалъ себѣ во всемъ, и каждый грошъ несъ своей Сонѣ. Соня своими попеченіями объ немъ, любовью и дочернею лаской, заставила забыть его все горе прошлой его жизни. Не знаю, извѣстна-ли была ей исторія ея происхожденія, и если извѣстна, то ея привязанность къ старику окупала вполнѣ вину передъ нимъ ея матери. Характеръ старика подъ вліяніемъ любящей натуры ея измѣнился во многомъ: онъ сдѣлался разговорчивъ до болтливости, не впадалъ какъ прежде въ мрачное раздумье и однажды даже запѣлъ разудалую пѣсню. Теперь онъ дни и ночи мечталъ только о томъ, какъ выйдетъ въ отставку и поселится вмѣстѣ съ своей Соней.

Около этого времени я неожиданно получилъ командировку отвести партію рекрутъ на Амуръ. Путь мнѣ предстоялъ длинный, и разлука со мной сильно опечалила Ивана Васильевича. «Богъ дастъ и свидимся», со слезами на глазахъ говорилъ онъ, провожая меня; въ долги-ли, въ коротки-ли да вернетесь къ намъ... приведетъ Господь еще и въ эполетахъ на васъ насмотримся!» Я крѣпко обнялся съ добрымъ старикомъ, и только въ эту минуту почувствовалъ, что теряю въ немъ искренняго друга.

Мнѣ привелось вернуться только черезъ полтора года. Не смотря на то, что я былъ уже представленъ къ чину и меня ожидало совершенно новое положеніе, но я спѣшилъ... какъ будто къ чему-то родному... въ свою роту. Я мысленно обнималъ и желчнаго Протасыча и добраго Ивана Васильевича. Въ головѣ моей роились даже отвѣты и рассказы на тѣ вопросы, какіе я напередъ былъ увѣренъ, предложать мнѣ. Въ моемъ воображеніи проносился даже образъ Софьи Ивановны.

День былъ праздничный, и болѣе половины людей не было дома, когда ямская телѣга, съ походнымъ багажемъ моимъ, подвезла меня къ крыльцу. Меня встрѣтилъ дежурный по ротѣ унтеръ-офицеръ, когда-то мой отдѣленный ефрейторъ. Мы встрѣтились какъ родные.

— Иванъ-то Васильичъ... слышали сударь аль нѣтъ? съ перваго почти слова спросилъ онъ.

Въ лазаретѣ вотъ ужъ болѣ двухъ мѣсяцевъ лежитъ съ самой смерти своей питомки!

Вѣсть эта оглушила меня какъ громомъ. Не спрашивая его, я наскоро переодѣлся съ дороги и побѣжалъ въ баталіонный лазаретъ, «умерла... умерла...» звучало въ ушахъ моихъ; «бѣдный старикъ, какъ не продолжительно было твое счастье!» думалось мнѣ, когда я поднимался на лазаретное крыльцо.

— Безнадежен-съ... меланхолія, которая можетъ кончиться острымъ умопомѣшательствомъ! объяснилъ мнѣ фельдшеръ, провожая меня по длинному... и душному корридору, на вопросъ мой о состояніи здоровья Глушкова.

Иванъ Васильевичъ лежалъ на койкѣ, сложивъ руки на груди, когда я шелъ въ комнату, въ которой онъ былъ помѣщенъ. Лицо его было блѣдно и страшно исхудало, сѣдая борода, какою обросъ онъ, придавала ему еще болѣе старческій и изнуренный видъ. Впалые глаза, окруженные двойною сѣтью морщинъ, сумрачно сверкали. Пристально всмотрѣвшись, онъ узналъ меня и, поднявшись съ койки, хотѣлъ улыбнуться, но что то тяжелое, разбитое выразилось на лицѣ его вмѣсто улыбки.

Фельдшеръ оставилъ насъ однихъ. Сѣвъ около него, я взялъ его исхудалую руку и почувствовалъ, что она дрожитъ.

«Умерла... убили... убили!...» тихо и отрывисто, бормоталъ онъ, не глядя на меня, и все время, пока

я просидѣлъ у него, не произнесъ болѣе ни слова. Онъ дѣйствительно былъ безнадеженъ. Съ тяжелымъ чувствомъ покинулъ я его и возвратился въ казарму, гдѣ меня ожидалъ искренно обрадовавшійся моему приѣзду Протасычъ.

— А обновокъ-то, обновокъ-то, сударь, безъ васъ сколько... Иванъ-то Васильичъ слышали поди, скопытился. Исторія это, если рассказать таперича, чего питомка-то его настряпала!—Быстро заговорилъ онъ, точно опасаясь, чтобы ктонибудь не прервалъ его.

— Не злоязычничай, Протасычъ,—пошутилъ я.

— И въ манерѣ сударь не имѣю, чтобы надъ чужой бѣдой зубы точить, а что не похвально, тому слова нѣтъ; она таперича ужъ мертвая, пускай судить Богъ ее, а не люди, а я все не похваляю!—сурово подтвердилъ онъ.

— Что-же она сдѣлала Протасычъ, что такъ разгнѣвала тебя?

— Не хорошее дѣло сударь сдѣлала.

— Ты навѣрное, знаешь, что нехорошее.

— Съ моимъ удовольствіемъ! Протасычъ, сударь много знаетъ, да только вотъ не пишетъ, а ужъ умѣлъ бы грамотѣ, такъ росписа-а-аль бы.

— Злой ты, Протасычъ!

— Не Протасычъ злой, сударь; напрасно такъ обо мнѣ сумнѣваете, а люди злы, тѣ самые, что живутъ не въ порядкѣ, безъ субординаціи; да-а-съ! Ну теперь къ слову и будемъ на пряслицу

правду наматывать: жизнь-то покойной Софьи Ивановны въ порядкѣ ли состояла?

— Наматывай... я послушаю!

— Послушай-те сударь стараго гусяра, да и себѣ на носикъ зарубите. Эполетики-то надѣнете не одну можетъ кралю съ ума сведете; вамъ то оно ничего, все какъ съ гуся вода сойдетъ, да вотъ только чѣмъ крали-то за молодцовскую удаль платятся; это наука другаго калибера. Софья-то Ивановна, что сказать, дѣвица была воспитанная, покойный-то Иванъ Васильевичъ... тьфу бишь...—съ сердцемъ сплюнувши, спохватился онъ; живаго человѣка да схоронилъ. Экъ языкъ то повернулся, стала быть долго еще жить будетъ; примѣта эта добрая. Ну такъ вотъ говорю, хоша онъ и хранилъ въ секретѣ, а я зна-а-аль. Протасычъ, сударь, все вѣдь знаетъ! Какъ гроши-то сколачивалъ, спрошу васъ а? Скаредъ былъ, скопидомомъ выглядывалъ, а для кого? Для нея единственно... на воспитомство ее. Любилъ-то онъ ее паче души; другой родную дочь, такъ не любить, да не холить. Водилъ то какъ барышню, въ житье-то обстроилъ, какъ принцессу, а чѣмъ она отплатила а?—спросилъ онъ, грозно взглянувъ на меня, точно я то и былъ виновникомъ происшедшаго, а не другой кто.

— Ну, чѣмъ-же отплатила, что-же вышло?

— То-то, што вышло? А взять-бы таперича, да по-нашему по ефлеторски, въ два-бы пука гаррячими, не балуй-де около огня обожжешься!

— Строгий-же ты Протасычъ, подшутилъ я...

— Протасычъ строгъ, у Протасыча ходи въ струнѣ, потому гдѣ строгость тамъ и порядокъ, тамъ значить и субординація!

— Ты-бы лучше досказываль скорѣе, Протасычъ.

— Обскажемъ, надъ нами не каплетъ. Языкъ-то, сударь не вашъ, а мой треплется, стало быть вамъ чужаго инструмента и жалѣть нечего. Ну, вотъ и жила она сударь съ первоначалу съ большой похвалой; робятокъ это учила... не нахвалились. Таперича вторительнымъ дѣломъ—швейное мастерство завела, съ чистотой кроила и за это похваляли. На старика, Ивана Васильича, въ энту пору любо и глядѣть было, молодѣлъ! Ну, словомъ сказать живи! Только не въ долги, въ коротки, а въ близко время не считано и пошли сударь слухи, что такъ и такъ молъ, Софья Глушкова не обстоятельно повела себя.

— Въ чемъ?

— А въ чемъ, это сударь сказъ впереди. Пошли на миру слухи, что повадился къ ней чиновникъ ходить; по палатѣ служилъ; молодой и изъ себя картиной выглядывалъ, и все значить болѣ по части книжекъ какихъ-то разговаривали, и разговоры-де не простые, а все болѣ по умному прохлаждались. Стояли мы въ тупору въ лагерѣ: глядимъ это въ праздникъ, къ зарѣ изъ городу гуляющихъ множество наѣдетъ, и публика все чистая на отборъ, и Софья Ивановна съ этимъ

чиновникомъ подѣ ручку захаживала. Она-то это въ шляпкѣ, а онъ съ кокардой фертомъ этимъ: гляди-де съ боку на нашего Ооку. Любовались мы ими, потому пара! Старикъ такъ и прочилъ, что о замужествѣ дѣло идетъ, что воспитанье его въ чиновницы произойдетъ! Не хвалясь, признаться сударь, я таки намекалъ ему, что ты молъ, ваше степенство, поглядывалъ бы въ оба, потому чиновники-то энти на языкъ остры, да на совѣсть тупы, чего-бы не вышло!

— Ну онъ что-же?

— Не допускалъ и помышленія такого, индѣ сердился на меня. Моя, говоритъ, Сонюшка не на эту колодку сбита, да и баринъ-то говоритъ, не простой дратвой выстроченъ... учености-то говорить въ три беремя не унесешь, обхожденью-то, говоритъ, въ ниверситетѣ учили! А что любить другъ друга, воспрещать невозможно, на то ихъ и дѣло молодое! Ну и шло этакъ, время-то: гуляли они погуливали, да и догулялись! И пошелъ это слухъ, что Софьюшка стала полнѣть не по днямъ, а по часамъ, а чиновничекъ этотъ порѣже заглядывать: значить каблучки-то выше подборовъ подросли, тяжело стало черезъ порогъ переступать. Глядимъ и Иванъ Васильевичъ началъ призадумываться, на себя не походить. Разъ даже, сударь, въ затмѣнн-то этомъ, што сдѣлалъ: встрѣчалъ это онъ дежурнаго по карауламъ, да два раза на плечо и скомандовалъ. Ну тутъ всѣ и увидѣли, что, что-то молъ не лад-

но. А не ладно-то оно было вотъ что. Полюбила Сонюшка этого-то чиновника какъ свою душу, а ужъ коли душу отдала, то и за тѣло не постояла. А онъ-то, сударь, видать бывалый былъ, не промахъ. Ну и... смутилъ...

— Чѣмъ же кончилось?

— Худое дѣло сударь добромъ не кончится, старая поговорка. Какъ дѣло-то вышло плохо забеременѣла она, онъ и похаживать по рѣже. Сказывалъ мнѣ самъ Иванъ Васильчъ, сударь, што Софьюшка-то сердешная головка, какъ снопь повалилась ему въ ноги, въ провинѣ-то признаваясь, и едва съ нею отводились; думали что умереть, и лучше-бы тогда умереть, безъ позора бы дѣло обошлось. Ожила... ожила! Старикъ къ нему въ тѣ поры отчета требовать... приходитъ разъ—дома нѣтъ, другой... та же пѣсня.. да этакимъ-то манеромъ онъ его разъ пять ималъ... пока не наткнулся... да и то ненарокомъ. «Что-жъ говоритъ вы, вашеско-бродіе, по какимъ таперича трафаретамъ думаете узоры писать а?... Какъ если вы говоритъ значить честную дѣвицу въ такой конфузъ ввели, такъ на мой солдатскій умъ Божьимъ-бы вѣнцомъ прикрыть его слѣдовало. «Не мое говоритъ служивый дѣло!» Это онъ то отвѣчаетъ ему, чиновникъ-то! «Ка-а-акъ говоритъ не твое а? Не мое. Потому говоритъ солдатской дѣвкѣ подъ угломъ рожденной... за дворяниномъ.. въ законѣ не писано. Уперся на этомъ сударь да такъ и отѣхалъ, потому гово-

рить докажи, а не иманъ не—воръ! Старикъ-то сударь послѣ этого случая цѣлый день въ недвижимости—ничкомъ пролежалъ; ровно ему стыдно было и на Божій свѣтъ взглянуть; за одинъ-то этотъ день онъ постарѣлъ на десятокъ лѣтъ. Вотъ оно, сколь легко эта шутка-то обошлась! Онъ-же потомъ сказывалъ, сударь, что чиновникъ-то этотъ письмо Софьюшкѣ то прислалъ и сто рублей денегъ. Такъ какъ вы полагаете, что она сдѣлала съ этими деньгами а?.. Взяла говоритъ эту самую ассигнацію да какъ есть на маленькіе кусочки разорвала, и пустила по вѣтру а-а?.. Что резонъ это по вашему сударь, а?..

— Резонъ Протасычъ! взамѣнъ отнятой чести и разбитой жизни, всего, что дорого для женщины, прислать денегъ—горькая насмѣшка!

— Хе-хе-е... да вѣдь чего отнято, сударь, того не возвратишь, а деньги-то по моему все-бы пригодились... а сто рублей де-еньги... Сколько надоть проработать, чтобъ добыть-то ихъ... я бы то есть ни въ жизнь не поступился имъ!

У Протасыча въ этомъ случаѣ была своя логика, оспаривать которую было неумѣстно.

— Ну а послѣ того, что ужъ за жизнь пошла и говорить нечего. Робятокъ, что въ ученьи были, у нее всѣхъ обобрали, потому говорятъ у гулящей дѣвки добру не научатся; мастерствомъ тоже отъ конфузу стало не способно заниматься. Всѣ-то стали отвертываться отъ нее да насмѣхаться.. И.. э-эхъ сударь, еслибъ вы видѣли, какъ

захирѣла-то она въ тѣ поры... глаза-то не сушились отъ слезъ, завяла, какъ маковый цвѣтокъ, подкошенный у корня. Суди ее Богъ, а этими слезами она омыла съ себя весь грѣхъ!

Голосъ Протасыча дрожалъ, добрая натура взяла свое, и сквозь вѣчное желчное брюзжанье выглянулъ человѣкъ съ душой, доступной всему хорошему.

— Родила-то она, сударь вы мой, мертваго, снова началъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, да на третій денечекъ и сама Богу душу отдала. Привелось мнѣ сударь быть при этомъ, и что сказать вамъ: двадцать пять лѣтъ прослужилъ я видалъ, всякой напасти и надъ собой, и надъ другими—не плакивалъ, а тутъ, стыдъ бы сказать, заплакалъ хуже бабы. Отдавала-то душу Богу она въ памяти... слабы были руки то... едва... едва, а все таки притянула къ себѣ голову старика Ивана Васильевича.. и положила ее къ себѣ на грудь; сама, какъ восковая, лежитъ и тихо, тихо шепчетъ «не проклинай говоритъ меня, не проклинай и его»... а у самой слезы-то изъ глазъ, какъ жемчужинки, такъ и катятся, такъ и омывають это стариковскія сѣдины его... Э-эхъ сударь, чужой я человѣкъ ей, а и теперь вспомню про это, такъ ровно камень на сердце навалится... Онъ снова умолкъ и обтеръ рукавами своей рубахи глаза. Схоронили мы, ваше почтеніе, ее честно со всякимъ обрядомъ; мученица она! Не похваляю я ее, а все таки скажу су-

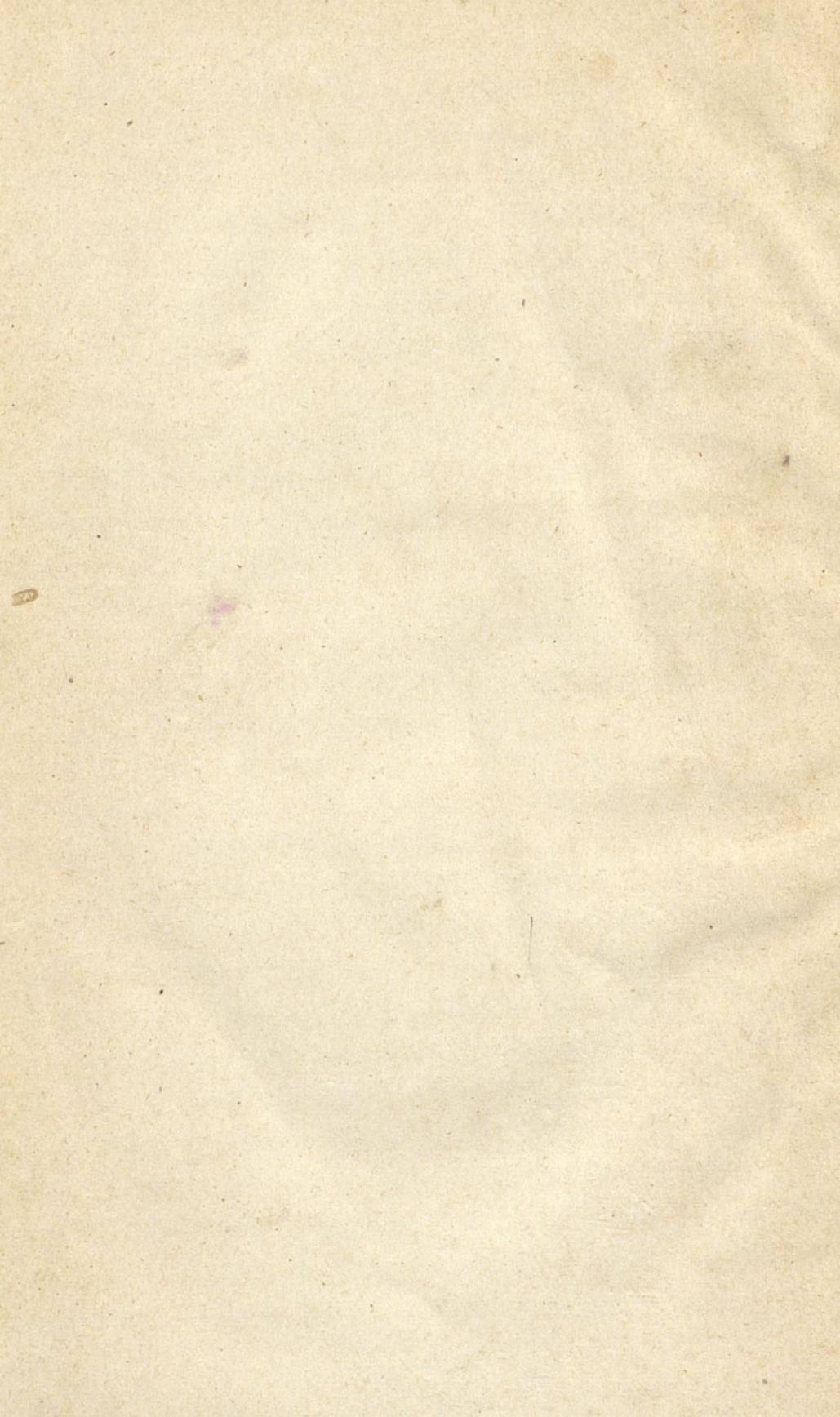
ди ее Богъ, а не люди! А старика мы такъ, сударь, съ той поры и не видали?

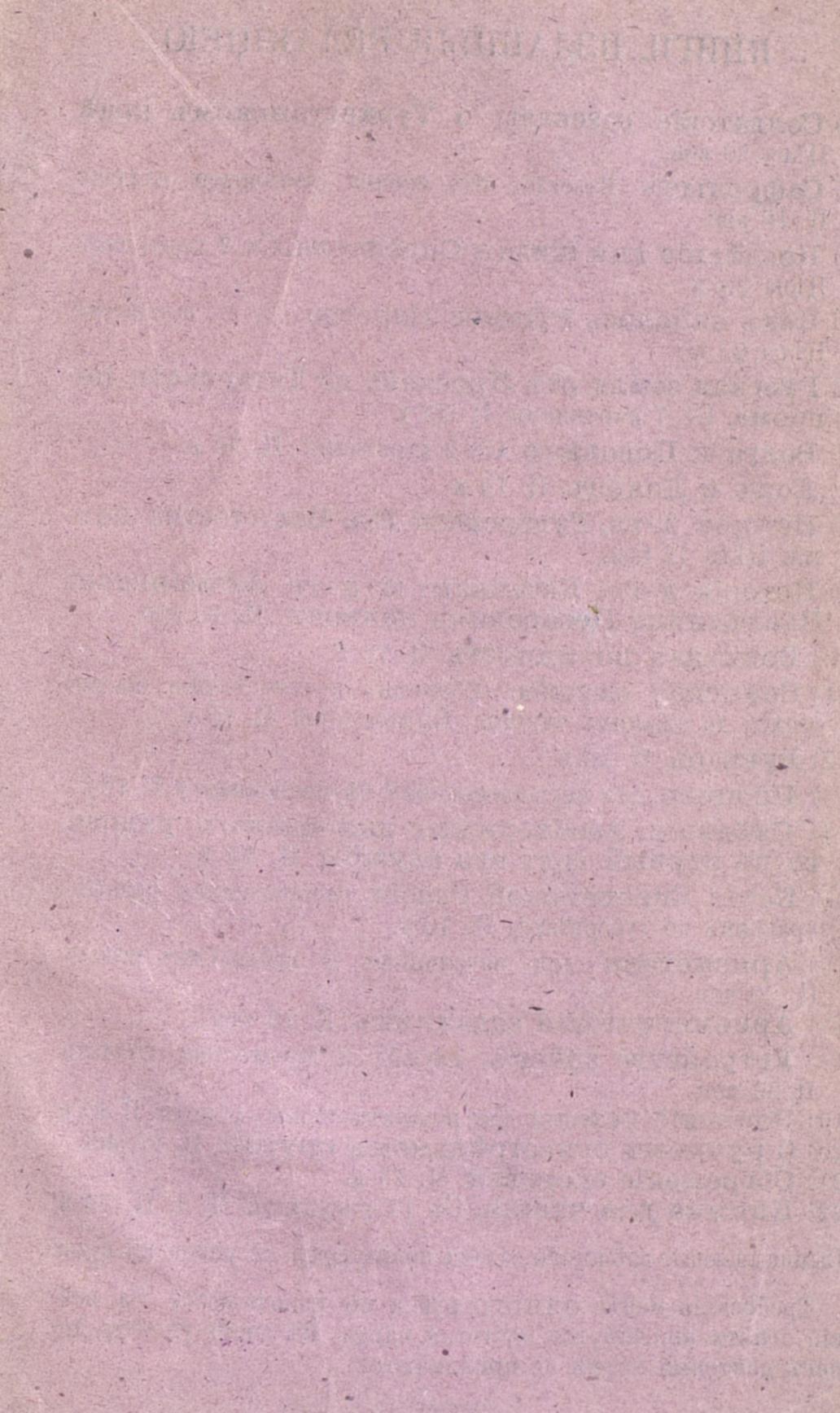
— Какъ не видали?

— Въ своемъ то видѣ значитъ ужъ не видывали больше. Такъ почестъ съ самой той минуты, какъ отдала она Богу душу и онъ въ затмѣніе ума пришелъ. На другой-же день начальство и отправило его въ лазаретъ. Вотъ оно сударь молодость-то, вотъ онѣ грѣхи-то ея, докончивъ рассказъ, съ раздумьемъ резонировалъ онъ. Иной и изъ нашей братіи по солдатству, къ примѣру взять, совратитъ дѣвицу съ пути истины, а о томъ и не думаетъ, сколько послѣ его шутки мукъ, слезъ и горя переноситъ она. Полагаю, сударь, что этакія дѣла все больше стъ необразованности людей; ну и потому еще что Бога забыли.

Не прошло и мѣсяца послѣ моего приѣзда, какъ померъ и Иванъ Васильевичъ. Вся рота проводила бранные останки своего сослуживца до послѣдняго пріюта. Его похоронили рядомъ съ могилой Софьи Ивановны. Одиноко стоятъ эти двѣ могилы, укрывшія въ своихъ нѣдрахъ страдальцевъ, которымъ жизнь дала такъ мало радостей и такъ много горя. Длинные вѣтви развѣсистой березы осѣняютъ ихъ пріютъ, и только шумъ листьевъ нарушаетъ безмолвную тишину окружающую ихъ.

Н. Карзуновъ.

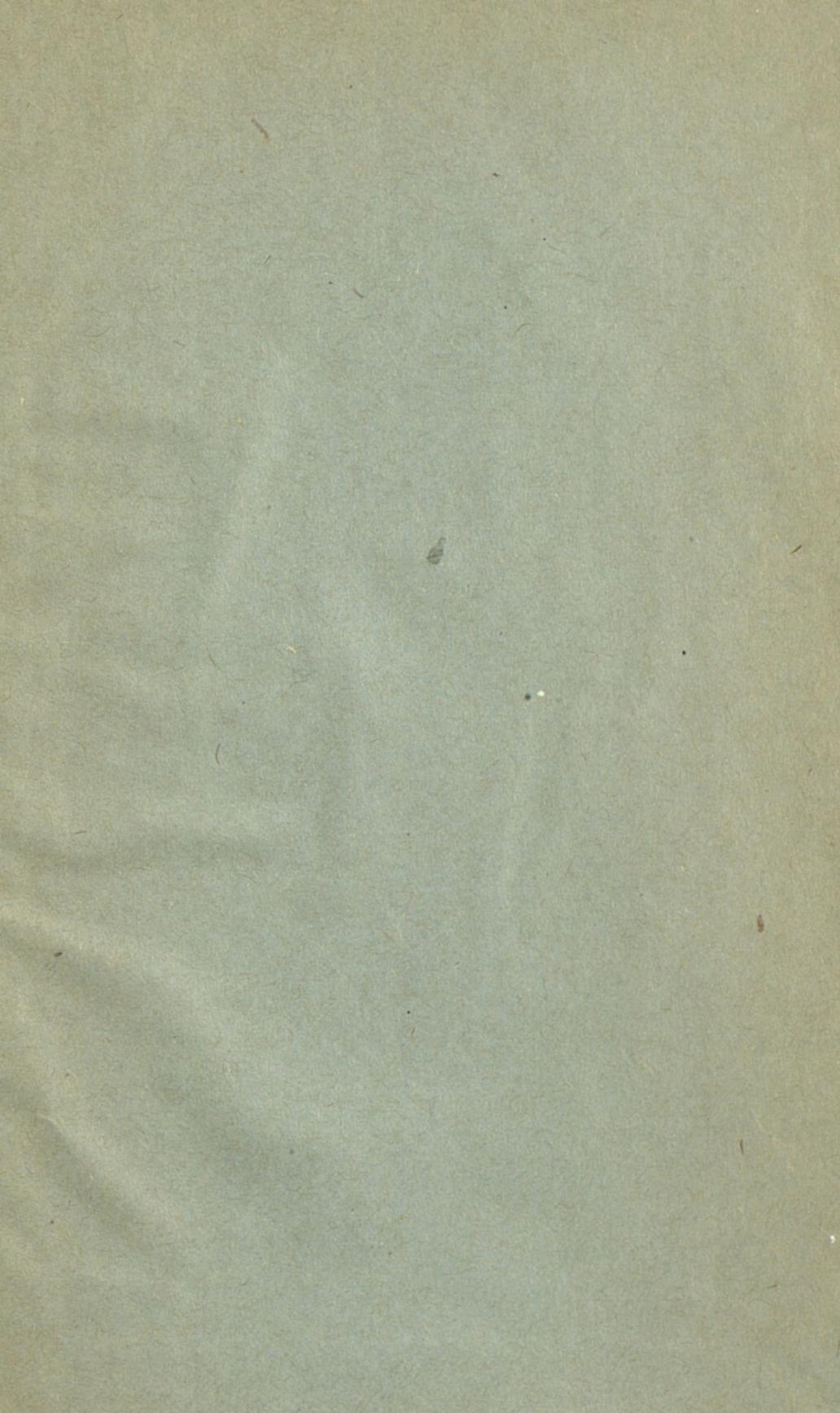

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ РЕДАКЦІЕЮ:

- 1) Солдатскіе рассказы о Туркестанскомъ краѣ.
Цѣна 20 коп.
- 2) Сафронъчъ. Рассказъ изъ жизни отставнаго солдата
Ц. 10 коп.
- 3) Послѣдніе дни жизни Спасителя. Съ 7 картинами
Цѣна 20 к.
- 4) Какъ началось Русское Царство. Съ 8 картинами
Цѣна 25 к.
- 5) Русская земля отъ Ярослава до Татарскаго по-
грома. Съ 7 картинами. Ц. 25 к.
- 6) Волга и Поволжье. Съ 2 картинами. Ц. 30 к.
- 7) Донъ и Донецъ. Ц. 15 к.
- 8) Исторія л.-гв. Гусарскаго Его Величества пол-
ка. Цѣна 15 коп.
- 9) Исторія л.-гв. Казачьяго и л.-гв. Атаманскаго
Наслѣдника Цесаревича полковъ. Ц. 10 коп.
- 10) Военская повинность. Ц. 10 к.
- 11) Военская служба. (Сборникъ постановленій, касаю-
щихся до нижнихъ чиновъ.) Выпускъ 1-й. Ц. 10 к.
- 12) Букварь. Ц. 12 к.
- 13) Прописи для первоначальнаго обученія письму. Ц. 10 к.
- 14) Свѣдѣнія, необходимыя для каждаго рядова-
го въ первый годъ его службы. Ц. 25 к.
- 15) Карта Европейской Россіи, раскрашенная разными
красками по губерніямъ. Ц. 10 к.
- 16) Ариѳметика для начальныхъ и войсковыхъ школь.
Ц. 20 коп.
- 17) Ариѳметическій задачникъ. Ц. 15 коп.
- 18) Устройство войскъ, служба и довольствіе солдата.
Ц. 25 коп.
- 19) Военскіе уставы для нижнихъ чиновъ пѣхоты. Ц. 25 к.
- 20) О ручномъ огнестрѣльномъ оружіи. Ц. 25 коп.
- 21) Сбереженіе здоровья. Ц. 25 к.
- 22) Книжка для чтенія. Съ 17 рисунками. Ч. I. Ц. 50 к.

Выписывающіе всѣ книги разомъ пользуются уступкою 20 проц.

Требованія менѣе одного рубля не исполняются. За всякій отвѣтъ прилагается почтовая марка. Въ счетъ уплаты денегъ почтовыя марки не принимаются.

2007054518